

Лучников Антон Викторович

кандидат исторических наук
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
aluchnikov@mail.ru

Хасин Владимир Викторович

кандидат исторических наук
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
hasin1@rambler.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ НА «ИСТОРИЧЕСКИХ РОДИНАХ» (ФРГ И ПОВОЛЖЬЕ): МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА В 1980-е – НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ

Феномен советских (российских) немцев рубежа 1980–1990-х годов представляет собой многогранный, требующий внутренней дифференциации национальный конструкт, осложнявшийся тем, что они воспринимали себя как часть двух государственно-институциональных локусов: ФРГ и территории бывшей АССР Немцев Поволжья. Грани конструкта раскрываются в четырех ракурсах: самоидентификация, восприятие населением исторических Родин (ФРГ и Немецкой поволжской республики), а также восприятие в рамках формировавшихся социально-политических образов и аналогий. Следует констатировать, что этничность советских немцев являлась лишь формой рецепции воображаемого конструкта со стороны различных социальных, культурных, национальных групп. Впрочем, их самоидентификация также была подвижной. Граница этничности менялась в зависимости от конъюнктурных колебаний, внутренних и внешних факторов. Этому сопутствовало размывание классических этнодетерминант: лингвистических, социокультурных, географических и даже фенотипических (как результат смешанных браков).

Создававшийся в результате своеобразный миф коррелировался исключительно внешними детерминантами, которые и формировали столь разнообразные границы этничности. Российские немцы являются показательным примером как конструктивистских теорий формирования этничности, так и прикладных подходов инструментализма в сложной системе политических процессов в позднесоветский период.

Ключевые слова: этничность, советские немцы, межнациональные отношения, репатриация, диаспоры, рецепция, перестройка.

Национальная мобилизация на позднесоветском и постсоветском пространстве является как государственно-институциональным, так и социальным конструктом, по сути, заменившим советский традиционализм в сложной системе самопозиционирования индивидов, относящихся к диаспоральным группам, принадлежность к которым не всегда высоко оценивалась в глазах государства и общества. При этом негативное отношение внутри страны замещалось положительным образом успешных исторических Родин (как, к примеру, у евреев и немцев). Этничность выступает в качестве мифологизированного конструкта, граница которого формируется в среде носителей, в среде непосредственного иноэтничного окружения и рецепции населения их национальных государств.

Восприятие советскими немцами собственной этничности. Необходимо детерминировать и терминологически определить понятие «немецкости» как важнейшей составляющей идентичности. Важно определить, какой из аспектов здесь превалировал. Это и культурно-исторический, географический маркер (немцы поволжские, российские, часть советского этнического конструкта с территориальной денотацией в виде поволжского региона), но и в такой же степени социобиологическая категория (немцы по крови, идентичные немцам ФРГ).

Действительно, что же являлось для поволжских немцев исторической Родиной – Поволжье

или ФРГ? С одной стороны, существовала реальная история, включающая в себя могилы предков, топонимику, нарративы рождения, очевидную несправедливость рассеяния и диаспоральности собственного статуса, вызванного репрессивными мерами советского правительства. С другой стороны, консолидация и этническая мобилизация советских немцев после начала процесса интеграции ФРГ и ГДР конца 1980-х гг. не в последнюю очередь происходила на фоне отождествления себя с успехами Западной Германии, как этнического центра, что не уникально. Абсолютно схожие процессы происходили и в среде советского еврейства, консолидирующегося на фоне социальных, военных и экономических успехов государства Израиль.

Немецкая нация в основном сформировалась во второй половине XIX – начале XX веков (в контексте формирования политического и культурного феномена Германской империи), а значит, к процессу этностроительства поволжские немцы не имели отношения. Их этническая идентификация в основном была сформирована в советское время, на различных этапах существования республики немцев Поволжья, а эта идентичность не имеет отношения к общенемецкой.

В позднесоветский период размывание этничности усилилось. Языковая общность российских немцев разрушалась вследствие депортации и диаспорального характера проживания. Большинство активных представителей национального движе-

ния либо родились в местах ссылки, либо попали туда в юном возрасте. Немцы оказались в послевоенный период в удивительной этносоциальной ситуации. Данное положение можно охарактеризовать как «диаспора в диаспоре», с дублированной денотацией понятия «историческая Родина». Именно этим и пытались спекулировать в пропагандистских целях противники восстановления автономии, лишая немцев права на патриотизм и обвиняя в космополитизме.

Советские немцы в данный период находились в сложной ситуации конструирования границ национальной идентичности, с чем и связаны, скорее всего, двойственность самоопределения и колебания внутри данных границ. В ряде случаев, связанных с восстановлением государственности, они трактовали себя как поволжские советские (российские) немцы, но также и как часть общегерманского этноса. Особенно показательна в этом плане активная деятельность общества «Возрождение», наиболее радикальная часть членов которого выступала за немедленное возрождение государственности на Волге, умеренная часть стремилась к восстановлению национально-культурных традиций, понимаемых как базис этничности, и в конечном итоге обе эти части сконцентрировались на репатриации.

Умеренная часть движения, структурировавшись впоследствии в виде национально-культурной автономии, вплоть до настоящего времени в большей степени не восстанавливает специфические особенности различных этнических групп российских немцев, а формирует, по сути, общенемецкую идентичность на основании сконструированного в течение полутора веков современного германского национального эталона. Радикалы же, принеся идею национально-культурной идентичности (со всеми ее аспектами: владением языком, знанием традиций, способностью к рецепции культурной и правовой специфики мест нового проживания и т.п.) в жертву социобиологического примордиализма, создали в современной ФРГ т.н. «русские анклавы».

Образ советского немца в социальной рецепции ФРГ. У немецкой политической и культурной элиты образ советского немца ассоциировался с патриархальным прототипом аутентичного немца. Аграрный патриархальный религиозный тип, остававшийся неизменным с начала Нового времени и утраченный немцами Германии в сложный и неоднозначный период становления новой немецкой нации. Апелляция к этническим германцам была дезавуирована нацистской пропагандой, но ее мог вполне заменить пасторальный образ, построенный на основе конфессиональных коммун и занимающий основное место в политической риторике христианских демократов, доминировавших в ФРГ 1980-х годов. Поэтому и советские немцы воспринимались как законсервированные на

бескрайних просторах степной России артефакты истинной немецкости, а немцы ГДР – как наследие прусского юнкерства, а не продукт социалистических экспериментов [15].

Идеи формирования идентичности на основе этнических, а не политических конструктов были табуированы в поствоенной Западной Германии как пресловутый «наци-комплекс», но в то же время национализм имплицитно признавался неким якорем в глобальных европейских и мировых интеграционных процессах. В этих условиях легитимность этнической самоидентификации советских немцев в контексте их жертвенного статуса была весьма заманчивой и выражала глубинные потребности общегерманского характера.

Встреча немцев из «национальной метрополии» и советских фольксдойче уже происходила – в период Второй мировой войны. Об однозначном и безусловном положительном восприятии «немцами немцев» говорить не приходится. По мере установления на оккупированной территории гражданского управления этнические немцы проходили тщательную проверку. По степени «чистоты крови» и благонадежности они были разделены на 4 группы. К ним относились как к привилегированной этнической группе (но на оккупированной территории), а при наступлении советской армии происходила их репатриация, в том числе и в принудительной форме. Это говорит о том, что немцы воспринимали их как самих себя.

Это происходило в том числе и потому, что германский национализм всегда был в большей степени политическим. Этнические формы еще с момента создания единого германского государства играли в имперском пространстве не сегрегирующую (как в уже существовавших на то время империях), а консолидирующую роль.

Данная традиция перенесется и в новейшее время, в период третьего объединения Германии, когда процесс преодоления политической раздробленности подавался в этнокультурных коннотациях, как воссоединение немецкой нации. До 1988 г. 2000 мигрантов в год не являлись имагологически значимым фактором, и картина восприятия немцами ФРГ советских немцев складывалась в большей степени не на основе реального опыта взаимодействия, а под влиянием других социально-психологических детерминант [12].

Происходила конвергенция всех внегерманских этнических немцев в единое целое. Безусловно, важность воссоединения ФРГ и ГДР в условиях 1980-х годов была первостепенной, и восприятие немцев ГДР подчиняло, растворяло в себе отношение к советским немцам. Амбивалентное восприятие немцев ГДР как братьев-противников распространялось на советских немцев.

Оно настолько подчинило себе данный образ, что корреляция его с другим, вполне устоявшимся

образом, более адекватным (вследствие большей верификации, большего объема опыта, послужившего для его формирования) – образом советского человека, не проводилась. Это подтверждает тезис, весьма популярный в американской историографии социально-психологической истории ФРГ периода Холодной войны, что этнический компонент, пресловутая «кровь» были важнейшим средством не только политической, но и социальной, и культурной консолидации немцев [8, p. 56–57].

В 1990-е этот процесс только развивался, потому что в интеграции и адаптации советских немцев и т.н. «осси» – восточных немцев, наблюдались схожие черты. В январе 1991 г. председатель землячества советских немцев в Штутгарте Франц Уссельман сказал примерно следующее: «Падение железного занавеса многих друзей нас лишило, а во многих заставило разочароваться» [10, p. 15].

Важнейший мотив, который называли немцы по прибытии в ФРГ, это желание воссоединиться с проживающими в ФРГ родственниками, вообще «быть немцем среди немцев». Вторым по важности фактором был религиозный. Немногочисленные (по сравнению с потоком 1990-х годов) прибывавшие в ФРГ советские немцы были идейными патриотами ФРГ, стремясь интегрироваться в ее общественные структуры. Обозначая собственную мотивацию, они инстинктивно отвечали на ожидания немцев ФРГ, видевших в мигрантах торжество этнической памяти.

Имагологические исследования, проводившиеся в 1980-е годы в ФРГ и становившиеся частью государственной модели политики по отношению к переселенцам, акцентировали внимание на том, что максимальная адаптация в культурную среду возможна тогда, когда репатриант испытывает определенные комплексы по отношению к собственной идентичности и хочет максимально быстро от нее отказаться [8]. По сути, так оно и было, советские немцы, «стеснявшиеся» своей советскости, максимально быстро интегрировались в среду, стараясь быть (или хотя бы казаться) даже большими западниками, чем немцы ФРГ. Так, подавляющая часть репатриантов вступала в ХДС/ХСС, а не, казалось бы, более коррелирующую с личным советским опытом СДПГ [14]. Более того, это служило косвенным подтверждением превосходства западногерманской экономической модели над социалистической, что в условиях раскола ФРГ/ГДР было дополнительным аргументом. Кризис модели государства всеобщего благоденствия, ставший особенно явным в 1980-е годы, требовал легитимации иных способов взаимодействия государства и общества. Советские немцы являлись в этом случае очень удобным маркером и аргументом, с одной стороны, это были этнически родные индивиды, с другой – они испытали на себе влияние советской социальной модели, сознательно отка-

завшись от нее в пользу западной стратегии личного успеха.

Важное обстоятельство – для немцев ФРГ было очевидно и не подвергалось сомнению, что все или почти все советские немцы хотят воссоединиться с исторической родиной (впрочем, подобное чувство характерно в риторике и относительно немцев ГДР), мешают им лишь политические обстоятельства [9].

Поток 1990-х – 2000-х годов собственной, чуждой немцам ФРГ, советско-российской идентичности не стеснялся, адаптируясь (если это вообще происходило) гораздо медленнее. Это сразу сказалось на тональности высказываний относительно «аусзидлеров». Логические пары «русский немец / грубость, невежество, хамское поведение и т.п.» в частности стали одними из наиболее встречаемых в региональной прессе земли Северный Рейн-Вестфаллия [14].

Сказывалось накопление критической социальной массы, когда репатрианты являлись не немцами среди немцев, а, по сути, диаспорой, «русскоговорящим обществом в обществе» [10]. Русско-немецкий Центр в Нюрнберге в 2000 году констатировал, что 30 тысяч проживающих в округе русских немцев «образуют маленький город в городе» [8]. Тогда же один из министров земли Баден-Вюртемберг охарактеризовал русских немцев как «наиболее сложных переселенцев, образующих крайне закрытую группу» [13]. Наиболее яркой иллюстрацией служит вызвавший скандал именование в официальном отчете полиции тюрингского городка Титизее-Нойштадт района расселения русских немцев как «Гетто», подразумевающего высочайший уровень преступности при одновременной закрытости [13].

Немцы глазами поволжского населения: формы этнического деконструирования. Рассматриваемый процесс прошел ряд важных этапов. Первым шагом стала терминологическая дефиниция. В повседневный оборот возвращалось название «немцы – колонисты». Они представлялись как иностранцы, которые по заданию правительства колонизировали пространство. Подчеркивался их временный статус людей, не имевших кровной связи с территорией, а невероятные привилегии по сравнению с русским крепостным крестьянством и стали причиной сильно преувеличенных успехов немцев в развитии сельского хозяйства [5]. К началу 1991 г. восприятие временности колонистского статуса станет в глазах поволжского обывателя аксиомой, маркером немцев как иностранцев.

Следующим этапом деконструкта было доказательство неправомочности самого образования государственности немцев на Волге в 1918 году. Появление автономии рассматривалось, как результат жесткого давления Германии на молодое советское государство, оказавшееся в тяжелейшем положе-

нии, и ставилось в прямую зависимость от несправедливого Брестского мира. Немцы (временный статус которых в глазах современников был доказан) безапелляционно отодвинули русских, татар, угрофиннов, казахов – истинное коренное население [1].

Многогранный структурируемый негативный образ немецкого населения (уже не просто «другого», а «чужого») был дополнен характеристикой о народе с несколькими Родинами. Глубоко интегрированный в советский социальный архетип термин «космополит», негативно детерминировал уже не евреев, а немцев. Все это визуально верифицировалось активной эмиграцией немецкого населения (терминологически определенной, как репатриация на историческую Родину). Теперь национальный компонент дефинировался только в контексте общенемецкой парадигмы.

Одной из важных задач этнического деконструкта являлось отделение этнокультурной группы от территории. Большое количество публикаций было посвящено именно этому. Среди них особое место занимают напечатанные в красноармейской «Новой жизни» публикации, касавшиеся 225-летнего юбилея города Красноармейска в 1990 году [2]. Описывая сложные перипетии основания городов, их непростого исторического развития, авторам удалось не упомянуть немцев. Какой-либо вклад или даже связь немецкого этноса с данной территории вообще не рассматривались. Отделив народ от территории, его лишили исторических дефиниций локального этнического мифа.

Последним этапом формирования негативной этнической коннотации стало придание российскому немецкому этносу не просто чуждого, но и отрицательного характера. Период духовного кризиса, идеологического вакуума традиционно компенсировался сакрализацией памяти о Великой Отечественной войне. Важный момент российской истории, когда индивидуальные, семейные героические практики совпадают с институционально-государственными идеологемами. Это один из основных стимулов консолидации общества в единую группу как на общегосударственном (советский, российский народ), так и на этнонациональном уровне.

Очевидно, что у идеи такой сакральной консолидации есть еще и громадный сегрегационный потенциал. В первую очередь, это лишало немцев «жертвенного» статуса. Наоборот, жертвами общенациональной трагедии становились местные жители. Большая часть населения районов прежнего местожительства немцев состояла из беженцев, прибывших с оккупированных германскими войсками территорий, условно говоря, лишенных немцами своей «малой родины». Поэтому в их интерпретации территория бывших немецких поселений была пустыней. И они, приехавшие на пу-

стыри, облагородили землю. При сформированном синкретизме восприятия образов «поволжского немца» и «немца», интегрированном в сакральный контекст событий войны, происходила специфическая визуализация исторических мифов.

Ассоциативный ряд был очевиден и играл важную мотивационную роль. На этом фоне происходила эволюция вербализованных фобий. На митинге в Степном в январе 1990 года были достаточно специфические лозунги: «Нет русской Волги с немецкими берегами» или «Не продадим 20 миллионов погибших за 20 миллиардов марок». Включались аграрные архетипы, такие как «немцы едят русский хлеб». Постепенно мотивация становилась все более жесткой, примером может быть классическая вербализованная фобия «Немцы опаснее СПИДа». Появлялась инверсивная смена позиций «жертвы» и «злодея»: «мало мы пострадали от немцев, мало вам русской крови». Переходной формой трансформации образа становились такие лозунги и фразеологические конструкты как «вы ненавидите Сталина, а мы ненавидим Гитлера». К осени 1991 года появились откровенно агрессивные призывы, как например «Отстояли Сталинград один раз, отстоим и второй», «Вновь сбросим немцев в Волгу». Сравнения напрашивались сами собой.

Борьба с автономией приобретала в глазах населения сакральный характер, случай, когда все действия оправданы. Аберрация исторической памяти совместила два события, включив механизм активного отторжения. Нацистская агрессия в ВОВ стала тождественной возрождению автономии, а борьба против восстановления немецкой государственности приравнивалась к героическим событиям обороны от нацистской Германии, «отстаивание» права на собственное свободное существование. На фоне немецкой проблемы начались далекие от интернационализма попытки этнической мобилизации русских. Так, ответом на гипотетический национализм немцев, в апреле 1990 года стала создание лексически и фонетически близкой организации «За возрождение русской культуры».

Образ немцев в формирующемся социополитическом региональном ландшафте. Положительная рецепция образа немецкого этноса в Поволжье также была мифологизирована. Российские немцы, как и у противников автономии, полностью ассоциировались с немцами ФРГ. Для части населения, ориентированного на «западные» ценности, немцы были олицетворением современного европейского народа, способного создать «маленькую Европу» на архаичном и консервативном пространстве Поволжья, стряхнуть советское мракобесие партийных элит, что являлось абсолютным мифом. Та республика, которую они хотели восстановить, носила традиционный аграрный характер, да и немцы, которые должны были ее восстано-

ливать, тоже в большинстве своем были сельским населением с традиционным менталитетом, стремившимся осесть на землю. Они не были представителями европейского урбанизированного пространства, носителями либеральных политических трендов среднего класса.

Происходила аберрация образа: советский гражданин с немецким именем и фамилией представлялся практически христианским демократом. Естественно, что и политические деятели западной демократической направленности видели в немцах и восстановлении их государственности незаменимый инструмент демонтажа советских структур, замены местной политической элиты, интеграцию во власть в новом богатом европейском анклав, цветущем на западногерманские деньги и демонстрирующем очевидные плюсы ориентации на западные ценности. Такое однозначное отношение создало в глазах местного населения образ демократа – предателя национальных интересов [3].

Так, из номера в номер смаковалось в газетах интервью лидера саратовских демократов В.Н. Давыдова, в котором он эмоционально высказывался за немедленное восстановление РНП [6]. Перепечатывались во всех заинтересованных районных газетах различные идеи демократического пронемецкого общества «Солидарность». Это все больше сплачивало общественный ресурс вокруг элит, создавая ощущение осажденной крепости. Следует отметить, что целый ряд представителей демократического движения, непосредственно проживавших в районах предполагаемой немецкой автономии, старались не выделяться в своих предпочтениях из общей массы населения. Так социал-демократ из поселка Степное В. Уткин дистанцировал местных демократов от защитников идеи автономии. Он создал сложный диаспоральный образ немецкого народа, рассеянного по всем странам мира, но считающего своей Родиной лишь Германию [7]. Вообще, немцы часто маркировались привычными и понятными негативными космополитическими чертами. Ориентированная на Запад либеральная общественность детерминировала этничность советских немцев через социально-политические практики этнических немцев из ФРГ.

Этничность советских немцев являлась лишь формой рецепции воображаемого конструкта со стороны различных социальных, культурных, национальных групп. Впрочем, их самоидентификация также была весьма подвижной. Граница этничности менялась в зависимости от конъюнктурных колебаний, внутренних и внешних факторов. Этому сопутствовало размывание классических этнодетерминант: лингвистических, социокультурных, географических и даже фенотипических (как результат смешанных браков).

Библиографический список

1. Остаемся на прежних позициях // Заветы Ильича. – 1990. – 13 ноября.
2. Подготовка к празднованию 225-летия // Новая жизнь. – 1991. – 2 авг.
3. Позиция Давыдова // Знамя. – 1991. – 25 окт.
4. Плева И.П. Еще раз об истории российских немцев // Заря Молодежи. – 1990. – 17 фев.
5. Репортаж с митинга. Содружеству наций да, автономии нет // Заря. – 1990. – 3 фев.
6. Седьмая сессия народных депутатов облсовета против восстановления немецкой автономии и особое мнение депутатов «Дем. России» // Саратовские вести. – 1991. – 9 окт.
7. Я за единую Россию // Знамя победы. – 1991. – 11 июня.
8. Aussiedler in Deutschland: Akkulturation von Persönlichkeit und Verhalten / Hrsg. Von Reiner K. Silbereisen. – Opladen, 1999.
9. Bade Klaus J. Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. – Muenchen: C.H. Beck-Verlag, 1993.
10. Hilkes P, Dietz B. Integriert oder isoliert? Zur Situation russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. – Muenchen, 1994.
11. Ingenhorst H. Die Russlanddeutschen. Aussiedler zwischen Tradition und Moderne. – Frankfurt/Main: Campus Verlag, 1997.
12. Ipsen-Petzmeier S., Keiser M. Zuhause fremd – Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland. – Bielefeld, 2006.
13. Kiel S. Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. – Muenster: Waxmann; Vogelsang, 2009.